

134

О Винокурове писать трудно по нескольким причинам: во-первых, его имя известно читателям уже свыше трех десятилетий. Во-вторых, кроме стихов, им написаны интересные статьи о русских поэтах, о поэтическом творчестве. В-третьих, ему самому посвящено много работ, принадлежащих перу ведущих критиков и литературоведов. И все-таки очень хочется самостоятельно определить наиболее существенное в его характере.

Пожалуй, это независимость. Недаром сам Винокуров говорит, что ему, для того чтобы писать, не обязательно уединение. Жизнь, «обнимающая» поэта, не мешает его внутренней сосредоточенности. Шум города, движение автомобилей, людской говор и смех становятся страницей, на которой пишутся стихи. И еще: вполне свободно можно вообразить поэта в образе гончара, который из тяжелой глины лепит свои сосуды. Послушно следуя сильному нажиму и легкому прикосновению, возникают из хаоса эти создания мастера. Каждое из них имеет точное предназначение, и в то же время каждое является произведением искусства.

Жизнь должна иметь свою форму. Всякий предмет держится «деспотизмом внутренней идеи», этот предмет организуемой, — говорит Е. Винокуров. — Во мне с ранней юности возникло и утвердилось уважение к соразмерности, гармоничности. Они сродни привычной для меня военной дисциплине, которой я отдаю должное как бывший участник войны.

Когда началась война, мне было только пятнадцать с половиной лет. Помню ужас бомбежек и духоту бомбоубежищ, рытье окопов и тушение зажигалок на крышах. Мои ровесники, с которыми я учился в 61-й московской школе в Плотниковом переулке на Арбате, стремились попасть на фронт. Осуществил свою мечту Александр Волков, вскоре погибший. Гелий Ковальский командовал самоходным орудием, был тяжело ранен. Сейчас — ученый, доктор технических наук. Ушел на фронт Володя Антокольский, товарищ моих товарищей. Ему, трагически погибшему, посвящена замечательная поэма П. Антокольского «Сын». И Володю, который окончил нашу школу весной 1941 года, и Волкова, и Ковальского, и других ребят объединяло желание не отстать от старших, показать, на что они способны.

— Вы, наверное, не представляли пока настоящему, что такое война.

— Может быть. Но мы были воспитаны школой, комсомолом, семьей так, что не могли вообразить, как может завершиться война без нашего участия.

«Больше пота в учение — меньше крови в бою» — гласил огромный плакат над казармой артиллерийского училища. Насчет пота в учение слова абсолютно справедливые, потому что двухгодичную программу без сокращений мы прошли за девять месяцев.

Осенью 1943 года я стал командиром артиллерийского взвода.

— Еще не было восемнадцати? Как же вы чувствовали себя в роли «отца-командира»?

— Поначалу было отчаянно трудно — ни жизненного опыта, ни понимания психологии людей, ни умения руководить. Откуда все это могло взяться, если перед войной мама меня чуть не за ручку водила? Нужно было найти равновесие между двумя полюсами, между слепым подчинением и панибратством. Сорваться нетрудно, ведь моим солдатам было и по 30, и по 40 лет. Самое сложное — убедить, что я командир настоящий, что я знаю, как и что нужно делать.

— Видимо, не стоит спрашивать, писались ли тогда стихи...

— Представьте, уже на фронте, осенью 1944-го. Вот такие:

Мы сжались со стужей.

Привыкли к жажде,
И кожа под небом уже огрубела,
Все время в боях...

А для пули все так же,
Как прежде, мягко и податливо тело.

— Так что же, «крутой замес» вашей юности пригодился? Вы, по-моему, отчасти благодарны судьбе, испытавшей вас столь рано и сурово.

— Раз и навсегда запомнил, что выше всего ценится подлинность чувства, переживания, слова. Все было всерьез — от бесконечного рытья земли под дождем со снегом, когда некуда укрыться и негде согреться, до тоски по дому, который неведомо когда доведется увидеть. Я выполнял положенную мне военную работу, относился к ней честно, но, видимо, чтобы вы-

— Убеден, что от стихов должно исходить тепло, как от живых существ. У стиха есть «биополе», а у поэзии «сверхзадача» — помочь человеку выжить. Если нужен пример, не найти лучше симоновского «Жди меня...». Газету, где оно было напечатано, хранили во время самых тяжелых боёв. Это было как заклинание, разговор против пули, против измены, против самой смерти.

— Наверное, ваша убежденность в этом, я бы сказала, чисто физическом свойстве стихов относится только к тем из них, которые зафиксированы на бумаге, но никак не к слову звучащему. Я имею в виду ваше чрезвычайно редкое участие в поэтических вечерах, столь излюбленной ныне многими литераторами форме общения с читателями. Что это — принцип или случайность?

нару, по-моему, только я принес строгие сонеты на каждую заданную тему. Эти упражнения, безусловно, пригодились мне позже. Чувство жесткой формы, законченности дисциплинирует, не дает стиху стать расхлябанным, вялым. Другое дело, когда молодой поэт уже принес готовое стихотворение. Его можно разобрать, проанализировать — это мы делаем вместе, — найти изъяны и подумать, как их избежать в дальнейшем. Работа трудная, ювелирная, тут нужно быть очень осторожным, не подавлять, а размышлять сообща, стараться приводить возможно больше примеров из поэзии. Я, собственно, не учу их, я воспитываю в них самостоятельность, приучаю не соглашаться со мной.

— А что вам самому дает деятельность руководителя поэтического семинара?

— Во-первых, общение с молодыми дает возможность увидеть какие-то вещи их глазами, взглядом свежим, подчас неожиданным. Это всегда интересно. Во-вторых, большое удовлетворение я испытываю, когда кто-то из них постепенно, год от года, растет как поэт. Есть несколько человек, на которых я возлагаю надежды.

Как правило, это люди, которые, как и я когда-то, сначала узнали жизнь, труд, а потом уж начали, так сказать, профессионально заниматься творчеством. Это чрезвычайно существенно, ибо только человек с уже сложившимся мировоззрением, миропониманием, со своими определенными принципами в подходе к явлениям действительности способен сказать свое слово в сфере искусства.

И еще одно необходимое условие — широта образованности, беспрепятственное стремление к познанию. Глубоко проникнуть в сущность событий, диалектически осмыслить мир, постичь взаимосвязь явлений, подчас противоречивых, способен только человек, обладающий богатым запасом прочных знаний, а не поверхностно схваченными сведениями. Нет ничего страшнее дилетантизма! Это относится, кстати, не только к литературной, но и к любой другой работе.

Нельзя забывать слова Белинского, что каждое поэтическое произведение есть плод могучей мысли, овладевшей поэтом. Но на «могучую мысль» способна незаурядная индивидуальность. Может быть, поэтому нечасто встречаются сейчас стихи, отвечающие этим требованиям? К сожалению, мы позволяем свободно распространяться подделкам под поэзию, стихам с псевдомыслью, с псевдочувством, с псевдогражданской взволнованностью. Читатель, особенно молодой, не всегда способен отличить хорошее от дурного. Я уж не говорю о «текстах песен», которые бурным потоком обрушиваются на слушателя программ радио, на телезрителей.

— А есть ли, на ваш взгляд, спасение от этой лавины с приставкой «псевдо»?

— Спасение одно — воспитание с детства хорошего вкуса, понимания литературы. Тогда все просто: повернул выключатель, и ничего не слышно. Это, разумеется, шутка, а вот воспитание вкуса действительно серьезное дело. О чем думает юный человек, о чем говорит с друзьями, чем интересуется — от этого во многом будет зависеть его будущая жизнь. Найдет ли он радость в общении с вершинными произведениями человеческого духа или же удовлетворится суррогатом, возникнут ли в нем чувства возвышенные или же возмет верх эгоистическое начало — убежден, во всем этом огромную роль играет первоначальное чтение.

Роль поэта в современном мире огромна. Проводить в людях «чувства добрые», раскрывать красоту Вселенной и напоминать о прошлом, о его уроках под силу словам, запечатленным на бумаге.

Беседу вел
Т. АРХАНГЕЛЬСКАЯ

В гостях у писателя

Евгений ВИНОКУРОВ:

ВЕЛИКАЯ НЕИМОВЕРНОСТЬ ЖИЗНИ

жить и сохранить себя, необходима была та самая точка опоры, то равновесие, которым я дорожу по сей день.

— Евгений Михайлович, от многих писателей-фронтовиков приходилось слышать, что тяжелые годы войны были в то же время периодом какого-то особого душевного подъема, людской близости, сострадания друг другу.

— Совершенно согласен. Сколько я помню, мы часто говорили об этом в Литинституте, куда меня приняли после Победы. В то время студентами были многие фронтовики. Некоторые были старше меня, им пришлось испытать столько, что вот уже сорок лет минуло, а прошлое не только не уходит, а, напротив, как будто становится все ближе, заставляя вновь и вновь говорить и писать о человеке на войне, размышлять о том, откуда же черпал народ силы.

— Вы некогда писали о Леониде Мартынове, что у него есть «своя центральная мысль мира», своя гипотеза, с которой он входит во вселенную. А как бы вы сформулировали свою «центральную мысль»?

— Она заключается в краткой формуле «поэзия — инструмент познания». Поэт стремится постигнуть душу Вселенной, но он не чужд ничего земного. Объединить конкретику реальности с философским обобщением — интереснейшая задача, решать которую приходится каждым новым стихотворением.

— Порой появляется ощущение, как будто вы ждете от стихов чуть ли не целебного воздействия на читателя...

— Марина Цветаева писала некогда: «Мое глубочайшее убеждение в том, что с первого раза, да еще с голосу смысл стихов, вообще, не доходит, — скажу больше: что для большинства в стихах дело вовсе не в смысле...» Я отнюдь не противник чтения в больших залах, при стечении многотысячной аудитории, но «с голосу» невозможно передать оттенки, нюансы, там требуется плакатность, громкость, броскость. А стихи все-таки дело очень личное и для пишущего, и для читающего. К ним нужно возвращаться снова и снова, перечитывая, вдумываясь, открывая заново глубину мысли, любясь музыкой, их наполняющей. В совершенстве, мне кажется, стихотворение должно одновременно «стоять на земле и витать ввысь». Если в нем нет тяжести, если его невозможно «отжать», чтобы осталась квинтэссенция смысла, оно не нужно. С другой стороны, если оно способно, как мыльный пузырь, улечь от легкого дуновения, оно также не нужно. Как это совместить? Не знаю...

— Но что же вы, тем не менее советуете своим молодым коллегам, тем, кто занимается в вашем семинаре в Литинституте?

— Совершенно разные вещи. Нельзя советовать, как лучше написать стихотворение. Можно научить лишь технике, привить навыки ремесла. Так в свое время нас учил Павел Григорьевич Антокольский. Однажды он заявил: «К черту лен! Я даю вам девять тем — извольте на каждую из них написать сонет!» К следующему семи-